

● REC

ЛИНА ЛИЧМАН

ДОМ МОЕЙ МЕЧТЫ

*или
Ничего не теряется*

Дом хранил тайну 11 лет.

Ремонт начался

в прямом эфире.

● 00:18:47

Лина Личман

Дом моей мечты, или Ничего не теряется

<https://litres.ru/74256182>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четырнадцать лет Голливуд говорил Эмме «нет». Поэтому она перестала ждать и исполнила свою мечту сама. Большой дом во Флориде. Тихая улица. Именно о таком она мечтала.

Все вокруг знали его историю.

Одиннадцать лет назад отсюда бесследно исчезла семья из четырёх человек. Родители и двое детей. Чемоданы остались в прихожей, машины — в гараже. Их так и не нашли.

Эмму это не остановило.

Она покупает дом, заводит канал и начинает ремонт под камеру. А заодно решает разобраться в загадке исчезновения прежних жильцов.

Зря.

Очень скоро в доме начинают происходить вещи, которым нет объяснения.

И чем ближе Эмма подбирается к правде, тем сильнее ощущение, что у этого дома до сих пор есть хозяин.

И он совсем не рад незванным гостям.

«Дом моей мечты, или Ничего не теряется» — атмосферный детективный триллер о тайнах, которые не теряются с годами, о доме, который знает больше своих хозяев, и о том, как самый счастливый день в жизни становится началом самого опасного расследования.

Лина Личман

Дом моей мечты, или Ничего не теряется

ДОМ МОЕЙ МЕЧТЫ

или Ничего не теряется

US Edition

Действие романа происходит в 2018 году.

Это художественное произведение. Имена, персонажи, организации, места, события и происшествия являются плодом авторского воображения либо использованы условно. Любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, а также с реальными событиями случайно.

ПРОЛОГ

ОН

Видео ему подсунул алгоритм. Он не искал. Одиннадцать лет приучал себя не искать: не вбивать адрес в поисковик, не открывать карты, не читать местные новости. Дом должен был жить в тишине — и дом жил в тишине, пока он платил налоги, и округа рассказывала про него сказки, которые он

сам же и сочинил. Хорошие сказки. Надёжные. Люди боятся призраков сильнее, чем живых, — это он понял давно.

А потом алгоритм решил, что ему будет интересно.

«ДОМ ИСЧЕЗНУВШИХ. Я КУПИЛА ЕГО». Пять миллионов просмотров за сутки с небольшим — он проверил дважды: цифра не была ошибкой.

На экране по его дому ходила девушка. Светлая, смешливая, с камерой в вытянутой руке. Она трогала перила, открывала шкафы, стояла в гостиной, где он когда-то разливал по бокалам вино на семейном ужине, и говорила зрителям: «У этого дома хорошая энергетика. Я такие вещи чувствую».

Он досмотрел видео до конца. Потом пересмотрел ещё раз. Затем открыл её канал. Там уже появилось второе видео и сохранилась запись почти десятичасового стрима о ремонте дома. Девушка в рабочей одежде выносила первый мусор и смеялась так, будто впереди её ждал не ремонт, а отпуск.

Два года и девять месяцев. Его не было всего два года и девять месяцев — и округ продал дом за долги, как будто восемь лет аккуратных платежей ничего не значили. О торгах он узнал ещё там, из казённой бумаги, и почти успокоился: перекупщики не копают, перекупщики ждут. А вот о том, что у дома теперь есть новая хозяйка — с ключами и с камерой, — ему сообщил алгоритм.

Он сидел неподвижно очень долго. Соседка за стеной включила телевизор, по улице проехала поливальная машина. Потом он открыл ноутбук, завёл новый аккаунт и долго

думал над именем. Имя должно быть никаким. Тёплым. Соседским.

GoodNeighbor77 подписался на канал и поставил лайк.

«Поздравляю с покупкой! — написал в комментариях. — Прекрасный дом. Только будьте осторожнее с ремонтом: в старых домах всё держится на честном слове».

Перечитал, стёр последнюю фразу и напечатал вместо неё: «в старых домах никогда не знаешь, что найдёшь под полом». Подумал. Вернул про честное слово.

Отправить.

Девушка из видео говорила, что веранда здесь — её главная мечта. Веранда — это хорошо.

Он поставил видео на паузу и некоторое время смотрел на её улыбку в стоп-кадре. Хорошая улыбка. Настоящая. У Катрин была похожая — на тех плёнках, которые он так и не решился выбросить. Он вообще никогда ничего не выбрасывал. В этом всегда была его сила.

Досье на неё он завёл в ту же ночь — привычка, вторая натура: новая переменная получает карточку. Имя. Возраст — тридцать с небольшим, по виду. Профессия — что-то с цифрами, судя по тому, как ровно она вешает уровень. Слабости: подруга, привычка отвечать каждому. В графе «угроза» он сначала написал «низкая». Потом стёр и оставил пустым. Пустые графы он не любил больше всего.

— Ничего, — сказал он вслух пустой комнате, и это прозвучало почти ласково. — Ничего не теряется.

ГЛАВА 1

СТО ПЕРВЫЙ ОТКАЗ

Второе августа. Лос-Анджелес.

У кастинг-директоров есть сто способов сказать актрисе «нет», и за четырнадцать лет я собрала полную коллекцию.

Есть «мы с вами свяжемся» — классика, надёжная, как джинсы. Есть «вы интересная, но мы пока смотрим» — это когда ты не интересная и они уже посмотрели. Есть моё любимое: «какая фактура!» — после него можно сразу ехать домой и не ждать звонка, фактурой называют всех, кого не возьмут.

Сегодня я услышала сто первый способ.

— Вы прекрасно читали, — сказала женщина с планшетом, не поднимая глаз. — Но нам нужен другой типаж.

Я кивнула, поблагодарила, вышла из зала с прямой спиной — держать её я умела уже не хуже хорошей балерины, — дошла до туалета в конце коридора и только там посмотрела на себя честно.

Зеркало показало тридцатидвухлетнюю женщину с потёкшей тушью. Чёрные дорожки на щеках, размазанная помада, и из-за этой помады улыбка получалась не моя, а Джокера — широкая, кривая и очень весёлая, если не смотреть в глаза.

«Может, хватит?» — спросило отражение.

Отражение задавало этот вопрос не первый раз. У него вообще было плохо с фантазией.

— Не дождёшься, — сказала я вслух, достала косметичку и принялась за реставрацию.

Через пять минут из зеркала на меня смотрела нормальная живая девушка — ну, почти. Я подмигнула ей и пошла к выходу мимо очереди таких же, как я: два десятка лиц, и на каждом одна и та же смесь надежды и заранее отрепетированного безразличия. Может, кому-то из них сегодня повезёт больше. Я им этого даже желала. У нас, неудачников, развита солидарность.

Машина за день раскалилась так, что руль можно было подавать как горячее. Август в Лос-Анджелесе — это когда кондиционер работает на полную, а ты всё равно едешь, приклеившись к сиденью, и думаешь о людях, которые называют этот город раем. Люди эти, как правило, живут где-нибудь в Миннесоте.

Я выросла в городке Сидней, штат Небраска, — две тысячи жителей, один светофор и запах коровника в качестве градообразующего. По телевизору показывали другую жизнь: города, пахнущие духами и деньгами, женщин, которые цокают каблуками по бульварам. Мне было десять, когда я решила, что буду одной из них. Мне было восемнадцать, когда я вышла из автобуса в Лос-Анджелесе с тремя тысячами долларов, заработанными мытьём посуды. Сейчас мне тридцать два, и из всего списка сбылись только каблуки.

Сидней — вторая моя родина. Первая осталась где-то под Саратовом: мама привезла меня оттуда трёхлетней, и я не

помню ничего, кроме запаха. Описать не смогу, узнаю из тысячи.

В двенадцать я съездила посмотреть. Мама обещала снег и сказку. Я увидела дороги, где асфальт был между дырами, а не дыры в асфальте; воду, за которой ходят к колодцу; и своего биологического отца, которому было тридцать четыре, а выглядел он на двадцать лет старше отчима — при том что отчиму было пятьдесят два.

Из той поездки я привезла две вещи. Бабушкино кольцо — она сняла его со своей руки и надела мне на палец, ничего не объяснив, и с тех пор оно на мне. И понимание, почему мама рвалась за океан. Не за красивой жизнью. За правом не бояться завтрашнего дня. Она ради этого уехала на другой конец света. Я ради этого откладываю каждый доллар. Видимо, у нас это по женской линии — как кольцо.

Ещё у меня есть план Б — так его называла миссис Дербол, моя школьная учительница математики и единственный человек в Сиднее, веривший, что из меня выйдет толк. План Б — это профессия аудитора, удалённая работа и начальник по имени Адам, который умеет разговаривать сорок минут без вдоха. План Б оплачивает мою половину квартиры в Шерман-Оукс. План А оплачивает только надежду.

Миссис Дербол я обязана половиной своей выживаемости, и это не фигура речи. В десятом классе, когда мои оценки поехали вниз прямо пропорционально росту количества смен в забегаловке, она задержала меня после урока и спро-

сила не «что с тобой происходит», а «какой у тебя план». Я выложила ей всё: Лос-Анджелес, актёрство, копилку под матрасом. Она выслушала, не моргнув, — а в городке, где самой смелой мечтой считалась должность управляющего элеватором, одно это уже было подвигом.

— Хорошо, — сказала она. — План А мне ясен. Теперь сочиняем план Б.

— Зачем? — оскорбилась я.

— Затем, что Калифорния — штат дорогой, а ты будешь одной из многих. Чтобы пробиться, нужно время. Время покупается за деньги, деньги — за профессию, которую можно увезти с собой. Цифры нужны всем. Даже актрисам — гонорары сами себя не посчитают.

— Вы не верите, что я стану актрисой? — спросила я тогда с вызовом.

Миссис Дербол поправила очки и улыбнулась.

— Я верю, что ты упрямая. А упрямым запасной выход нужнее всех: они единственные, кто досидит в горящем здании до конца.

Она же нашла мне спонсора на бухгалтерские курсы и взяла слово, что я их закончу. Слово я сдержала. А вот поблагодарить её толком не успела: миссис Дербол не стало через два месяца после моего отъезда. Иногда я думаю, что весь мой план Б — это её памятник. Скромный, зато с ежемесячным доходом. Ей бы понравилось.

Домой я доехала к шести. Открыла дверь своим ключом

и поняла, что сто первый отказ был сегодня не самой плохой новостью.

Посреди гостиной стояли два чемодана. Рядом — три дорожные сумки. А на полу, между всем этим хозяйством, сидела Сью и заворачивала в свитер фарфорового фламинго.

— Нет, — сказала я.

— И тебе привет, — отозвалась она, не оборачиваясь.

— Нет. Что бы это ни было — нет.

— Это называется чемоданы, Эм. Я переезжаю к родителям. Во Флориду.

Я опустилась на подлокотник дивана, потому что ноги вдруг решили, что с них на сегодня хватит.

Сьюзен Барклай, тридцать шесть лет, рыжая, смешливая, лучший человек этого города. Восемнадцать лет кастингов. Четырнадцать из них — рядом со мной, в этой квартире, когда мы обе ещё верили, что до славы осталось чуть-чуть.

Знакомство наше, к слову, было максимально голливудским: я позвонила по объявлению на Крэйглисте, получила адрес и приехала. Сью открыла дверь, посмотрела на меня, на два моих чемодана и сказала: «О, ты тоже худая. Значит, холодильник делить будет просто». И впустила меня в свою жизнь, не спросив залога. Залог я, разумеется, заплатила — я же не варвар.

У нас был ритуал — секретный, бюджетный, как всё лучшее в нашей жизни. Когда становилось совсем тошно — провал, отказ, очередное «мы вам перезвоним», — мы садились

в машину и ехали на Малибу. Не на песчаный пляж, где парковка стоит восемь долларов и пасутся туристы, а на каменный, дикий, где парковка бесплатная. Скрыга и официантка — мы умели выбирать побережье по карману.

Мы сползали по валунам к самой воде и мечтали вслух, перекивая прибой. Что станем знаменитыми. Что купим два дома по соседству — обязательно по соседству, это не обсуждалось, — и будем ходить друг к другу пить чай и смотреть на океан с собственных веранд. За четырнадцать лет сценарий этой мечты не изменился ни на слово. Изменились только мы: стали старше ровно на четырнадцать лет и ни на дюйм ближе к тем верандам.

— Ты же дала себе год, — сказала я.

— Я дала себе его три года назад. — Сью наконец повернулась. Глаза у неё были сухие и спокойные, и это пугало сильнее слёз. — Эм, мне тридцать шесть. Я официантка с театральным образованием. Официанткой я могу быть и там, где у родителей дом с причалом и где меня ждут к ужину.

— Ещё год. Один. Если ничего не выйдет...

— То я скажу себе то же самое ещё через год. — Она улыбнулась криво. — Я видела, как это бывает. Помнишь Глорию из нашей студии? Ей шестьдесят один, и она до сих пор ходит на пробы рекламы слуховых аппаратов. Я не хочу быть Глорией. Я хочу быть тёткой с причалом.

Мне было что ответить. Что-нибудь про мечту, про лягушку, которая барахталась, пока не взбила масло, про то,

что сдаются за минуту до чуда. Я знала весь этот репертуар наизусть — сама себе его исполняла каждый вечер. Но Сью смотрела на меня своими спокойными глазами, и впервые за четырнадцать лет я промолчала. Потому что она не сдавалась. Она выбирала. А это разные вещи, и обе мы это знали.

— Кто мне теперь будет говорить, что я талантливая? — спросила я вместо всего.

— Никто. — Сью поднялась и обняла меня. — Поэтому повторяй за мной: я, Эмма, чертовски талантливая.

— Я, Эмма, чертовски талантливая.

— И когда я получу свой «Оскар»...

— И когда я получу свой «Оскар»...

— ...я поблагодарю Сюзен Барклай, которая четырнадцать лет терпела, как я пою в душе.

— Ты сама поёшь в душе!

— Я пою хорошо, — сказала Сью с достоинством и пошла за скотчем.

Пока она заклеивала коробки, выяснились оперативные детали. Комнату Сью уже сдала.

— Чтобы ты не вздумала превратить её в музей моего имени. С понедельника въезжает Лора, барменша из кафе, тридцать четыре года, тоже в ожидании славы. Спокойная, не грязнуля, мужиков водить не будет, а жаль, — отрекомендовала Сью.

Я кивала и заранее ненавидела Лору — тихо и несправедливо, как умеют только брошенные.

— И не смотри так, — сказала Сью, не оборачиваясь. — Это квартира, Эм, а не мы. Мы — это не адрес.

Вот так она иногда, между делом, выдаёт фразы, которые потом хочется выбить на чём-нибудь мраморном.

Сумки мы сносили вниз вдвоём. Её машина — новенькая, купленная в кредит под будущую флоридскую жизнь, — проглотила багаж со второй попытки. На парковке пахло бензином и вечерней жарой. Мы постояли обнявшись дольше, чем принято у взрослых людей.

— Найди себе соседку попримечнее, если Лора не приживётся, — пробормотала Сью мне в плечо. — И не работай по выходным. Не отвечай Адаму после восьми. И...

— Сью.

— Что?

— Езжай уже. А то я разревусь, и тебе придётся остаться.

Она отстранилась, села за руль, опустила стекло. И уже трогаясь, крикнула — весело, как кричат только те, кто всё для себя решил:

— Приезжай в гости! Посмотришь, как живут люди, которые перестали ждать чуда!

Я махала, пока машина не повернула за угол. Потом поднялась в квартиру, где теперь было слишком тихо и слишком много свободных полок, села на пол посреди гостиной и честно попыталась перестать ждать чуда. Для пробы. Минут на десять. Не вышло.

ГЛАВА 2

САМОЛЁТ

Месяц после отъезда Сю я продержалась на двух вещах: работе и вранье.

Враньё было нехитрое: я говорила себе, что всё в порядке. По будням я делала отчёты для Адама, ближе к вечеру ходила на пробы, а в перерывах разговаривала со Сю — бывало, раз по тридцать за день. У неё там был дом с причалом, новые соседи, старая работа официанткой, и голос такой счастливый, что я каждый раз чуть-чуть умирала от зависти и тут же себя за это ненавидела.

Лора позвонила в тот же вечер — на сутки раньше обещанного, и по голосу было слышно почему.

— Сегодня ночью на улице, — сказала она буднично, и по этой будничности я поняла, что фраза отрепетирована.

— Не чуди. Приезжай, комната свободна.

Она приехала через сорок минут: миниатюрная блондинка с копной выющихся волос, двумя пакетами и заготовленным списком причин, почему с ней не будет проблем. Спокойная. Не грязнуля. Мужиков водить не будет.

— И зря, — сказала я. — Води на здоровье. Только притон не устраивай.

Тут надо признаться в одной вещи. Я не добрая. Залог я с неё взяла в тот же вечер — я скряга, а не варвар. Просто свою первую ночь в Лос-Анджелесе я тоже провела на улице. Сю я нашла только на следующий день — по объявлению

на Крэйгслисте.

Моя новая соседка по квартире работала на трёх работах. На первую она уходила ещё до того, как я просыпалась. А домой возвращалась — когда я уже спала. Как она успевала ходить по кастингам — для меня оставалось загадкой. Я вообще не чувствовала её присутствия в квартире, из-за чего складывалось ощущение, что живу с призраком. Квартира стала слишком большой. Тишина в ней — слишком честной.

Будни выглядели так. Утром — отчёты для Адама: узнав про отъезд Сю, он удвоил заботу обо мне, то есть объём документов. Днём — пробы по инерции: два эпизода и реклама стирального порошка, где я не подошла на роль женщины с «лицом человека, победившего пятно». Я не стала уточнять, какое у такого человека лицо, — боюсь, у меня было лицо человека, которого пятно победило по очкам. Вечером — звонок Сю и сериал на двоих по видеосвязи: мы синхронизировали кнопки «плей», как раньше синхронизировали жизнь.

Кончилось всё за обедом с моим агентом в пятницу тридцать первого августа.

Саманта — это женщина пятидесяти лет в костюме за несколько тысяч долларов, которая способна улыбаться даже во сне, потому что улыбка входит в её должностные обязанности. Она ковыряла вилкой фруктовый салат, смотрела, как я не ем свой, и наконец сказала:

— Эм, ты похожа на тень. И в прямом смысле, и в пере-

носном.

— Это комплимент? В индустрии, где все худеют...

— Это диагноз. Сколько ты сбросила за месяц?

— Десять фунтов, — честно сказала я. — Не специально.

— Вот именно что не специально. — Саманта отложила вилку. — Берёшь две недели и уезжаешь. Куда угодно. Это не предложение.

Тут надо понимать одну вещь: мой агент зарабатывает процент с моих гонораров. Когда человек, живущий с твоих доходов, отправляет тебя в неоплачиваемый отпуск, — это уже не забота. Это скорая помощь.

— У меня подруга во Флориде, — услышала я собственный голос.

— Прекрасно. Флориду я не люблю, там влажность и аллигаторы, но тебе пойдёт. Вернёшься — пообедаем.

Она чмокнула воздух у моей щеки и уцокала к машине, а я ещё минуту сидела с глупой улыбкой, потому что внутри, где-то под рёбрами, уже шумел океан.

Билет я купила, не вставая с места. Сю набрала прямо из-за столика, по видео. Она ответила запыхавшаяся, на бегу, с подносом в кадре:

— Вечер пятницы, не до болтовни! Еле успеваю от столика к столику!

— Я лечу к тебе.

Сю завизжала так, что я хотела предложить ей поработать сиреной на маяке. Судя по грохоту, поднос спасли в по-

следний момент, а её визг поднял на ноги половину кафе и, подозреваю, пару пеликанов на побережье.

— Во сколько прилетаешь? Я встречу!

— Завтра в шесть двадцать пять утра, Орландо. Только умоляю: не гони.

— Не буду. Да и на чём гнать-то? — подозрительно легко согласилась она. — Моя машина в сервисе, я на маминой.

— Что случилось с твоей? Ей же и двух месяцев нет.

— Потом расскажу. Ерунда. Зеркало... Слушай, мне правда пора, клиенты звереют. Целую, жду!

И отключилась раньше, чем я успела спросить, при чём тут зеркало.

Собиралась я по системе, которую подруга называет «скряга в путешествии»: рюкзак, ноутбук, купальник, три футболки, две пары шорт и джинсы с толстовкой — против самолётного холода, который не лечится ничем, кроме одежды не по сезону. Адам на прощание «заботливо» прислал документы с пометкой «к утру понедельника». План Б не знает слова «отпуск».

Дальше Вселенная немного поиграла со мной в свою любимую игру «успеет — не успеет»: авария на шоссе, мёртвая пробка, очередь на регистрацию длиной в мою карьеру, добрый сотрудник аэропорта, протащивший меня без очереди, и финишный спринт к выходу пятьдесят девять. В самолёт я вошла последней — мокрая, злая и гордая, как марафонец, которому забыли выдать медаль.

Шла по проходу с надеждой, что сосед попадётся молчаливый. За годы перелётов я составила классификацию попутчиков: Храпун, Локоть, Лектор («а вы знаете, что турбулентность...»), Родитель Юного Барабанщика и — реже всего — Святой Грааль: человек, который молчит.

Место у окна встретило меня запахом чужих духов и соседом по ряду, увидев которого я поняла, что мне достался шестой, не предусмотренный классификацией тип.

Бывают красивые мужчины. Бывают очень красивые — их показывают в рекламе часов, которые никто не может себе позволить. А бывает вот это: плечи, на которых рубашка держится из последних сил и явно подумывает об увольнении, линия челюсти, лёгкая небритость — и глаза цвета виски со льдом. Я не пью виски. Но, глядя в эти глаза, я внезапно поняла людей, которые не могут остановиться.

Красавец, между тем, нервничал. Он запил таблетки водой из бутылочки, закинул в рот горсть жвачки, вставил наушники и вцепился в подлокотники так, что побелели костяшки. Аэрофоб. Большой, красивый, насмерть перепуганный аэрофоб. Это его даже немного очеловечивало. Знакомиться я не собиралась. Во-первых, в нём всего было слишком. А во-вторых, на таких у меня уже был выработан иммунитет.

Иммунитет звали Стефан. Вырабатывался он пять лет. Красивый, как рассвет в рекламе кофе, младше меня на четыре с половиной года, с загадочной «работой по вечерам»,

которая на третьем году совместной жизни оказалась сценой, шестом и карьерой стриптизёра в клубе на бульваре. Добило меня даже не это — в конце концов, любой честный труд заслуживает уважения, — а безмятежность, с которой он сообщил, что менять ничего не намерен: «Я красивый сейчас, Эм. Сейчас и надо жить».

Я собрала его вещи в три пакета — по пакету за каждый год, который не жалко — и предложила жить красивым где-нибудь в другом месте. Стефан не возражал: нарциссы вообще легко переезжают, у них всё своё всегда с собой — зеркало. С тех пор на слишком красивых мужчин у меня стоит блок, как на спам-звонки. Изредка, правда, спам прорывается.

«Модель, — решила я, устраиваясь у окна. — Или стриптизёр. Вот прямо вижу: полицейская форма, сцена, визжащие дамочки». На этой мирной мысли меня и сморило — сказались бессонная ночь и финишный спринт.

Проснулась я от того, что подо мной что-то шевельнулось. Открыв глаза, я провела короткую ревизию. Моя щека лежала на чужом плече. Моя рука обнимала чужой бицепс — обстоятельно так обнимала, по-хозяйски, как будто мы женаты лет десять. А хозяин бицепса сидел неподвижно, как человек, который боится спугнуть, и смотрел на меня сверху вниз с выражением, которое я предпочла не расшифровывать.

— Мы сели, — сообщил он.

Голос у него был под стать глазам — тоже с градусом.

Дальше я повела себя как взрослая уверенная женщина: отпрянула, натянула капюшон до бровей и попыталась слиться с иллюминатором. Сюю когда-то говорила, что я разговариваю во сне, и иногда — неприлично. Оставалось молиться, чтобы сегодня был тихий сеанс.

И тут зазвонил мой телефон. На экране — крупно, во всю ширину — высветилось: «ЛЮБОВНИК».

«Любовником» у меня записан Адам. Мой шеф. Потому что никто на свете не имеет такого доступа к моему мозгу и не пользуется им так регулярно. Это шутка. Смешная. Внутренняя. Очень сложно объяснимая постороннему красавцу, который уже скосил глаза на мой экран и приподнял бровь.

— Да, — сказала я в трубку трагическим шёпотом. — Я в отпуске. Прилетела. Документы сделаю вечером. Всё.

Адам пожелал мне хорошо отдохнуть и напомнил про срочность. Я нажала отбой. Сосед смотрел на меня с откровенным весельем. Потом перевёл взгляд на кольцо на моей левой руке.

— Это не то, что ты подумал, — сказала я. И пытаюсь объяснить, начала закапывать себя ещё глубже. — «Любовник» — это начальник. Он любит выносить мозг. Всем, но мне особенно. Это шутка такая. А кольцо — от бабушки, семейная реликвия, я его ношу с двенадцати лет. И вообще я православная, у нас обручальные носят на правой руке, так что это ничего не значит, то есть значит, но не то...

Чем подробнее я объясняла, тем шире он улыбался. К кон-

цу моего монолога улыбка достигла размеров, при которых в самолётах положено демонстрировать аварийные выходы.

Я схватила рюкзак и рванула на выход, не дожидаясь, пока он что-нибудь скажет. Есть ситуации, из которых существует только одно достойное отступление — бегство.

Орландо встретил меня стеной горячего пара. Если Лос-Анджелес — это духовка, то Флорида — это кастрюля с крышкой: тебя не жарят, тебя варят. Я стащила толстовку, села на корточки в тени у выхода и набрала Сью, одним глазом наблюдая, как мой попутчик пересекает парковку. Его встречал парень — такой же высокий, спортивный; они обнялись, посмеялись о чём-то — наверняка о сумасшедшей из самолёта — и укатили на серебристой «Тойоте».

«Стриптизёр, — мрачно подытожила я. — Возможно, гей. В любом случае — не мой. И вообще мне всё равно».

Мне было не всё равно. В этом и заключалась главная неприятность.

Сью прилетела на парковку через десять минут — с визгом тормозов и собственным визгом, повисла на мне, чуть не задушила, отобрала рюкзак и всю дорогу до машины говорила без знаков препинания. А когда я, уже в салоне, рассказала ей про плечо, бицепс и «Любовника», она хохотала так, что мне пришлось придерживать руль.

— Эмка, — простонала она, утирая слёзы, — твоя попа — это магнит для приключений. Четырнадцать лет наблюдаю и не перестаю восхищаться.

— Он стриптизёр, — сказала я с достоинством.

— Конечно, милая.

Мы выехали с парковки на залитое солнцем шоссе, и я выкинула красавчика из головы. Целиком. Окончательно. Я была абсолютно уверена, что никогда в жизни его больше не увижу. Зря...

ГЛАВА 3

ГНИЛОЙ ЗУБ

От Орландо до пригорода Джексонвилла два с половиной часа езды, если за рулём нормальный человек. Если за рулём Сью — только два, и все сто двадцать минут она говорила.

За первый час я узнала всё про её работу («кафе как кафе, чаевые как чаевые, зато по средам пирог бесплатно»), про родителей («папа купил удочки и теперь у нас в гараже филиал рыболовного магазина»), про соседей («одни пенсионеры, Эм, я там самая молодая, меня скоро начнут водить за ручку через дорогу, как достопримечательность») и про какого-то соседа-красавчика, который «не в моём вкусе, но твой типаж, я тебя с ним познакомлю, и не спорь».

На втором часу случились две странности. Первая: на заправке Сью купила сигареты и закурила — буднично, как человек с большим стажем.

— Ты же не куришь, — сказала я.

— Не курила, — поправила она и выпустила дым в окно.

— У каждой женщины должны быть маленькие слабости.

— У тебя уже есть маленькая слабость. Пирог.

— Значит, теперь у меня их две, — отрезала подруга, и я отступила. Четырнадцать лет дружбы учат главному: если Сью что-то грызёт, она расскажет сама. Правда, обычно ей хватало нескольких минут, а не недель, — и вот это мне уже не нравилось.

Вторая странность ждала в конце пути. Место, где родители Сью купили дом — Лейксайд, на берегу Докторс-Лейк — выглядело так, словно его нарисовали для рекламы пенсионных накоплений. Вдоль улиц стояли дубы — не деревья, а сооружения: стволы толщиной в несколько человеческих обхватов, кроны размером с мой бывший двор, и с каждой ветки свисали серые бороды мха, как будто деревья отрастили их за сто лет мудрой жизни. Под дубами — газоны, подстриженные до состояния бильярдного сукна. На газонах — клумбы. Возле клумб — пенсионеры с лейками, и каждый второй помахал нашей машине рукой.

— Тут всегда так? — спросила я.

— Так — это как?

— Как в раю, только со страховкой.

Сью хихикнула и свернула на свою улицу.

И вот тут я его увидела. Зажатый между двумя идеальными домами, он выглядел так, будто попал на эту улицу по ошибке. Забор повело, как от зубной боли. Газон умер давно и без мучений, его место заняла трава по колено. Окна были тёмные — не «хозяева уехали», а по-настоящему тёмные,

как бывает только у домов, где очень давно никто не включал свет. На фоне открыточной улицы он был как гнилой зуб в голливудской улыбке.

Я вывернула шею, провожая его взглядом.

— Не пялься так, голова отвалится, — сказала Сю, не поворачиваясь.

— Почему?

— Потому что все новенькие на него пялятся. Потом им рассказывают историю, и они начинают переходить на другую сторону улицы.

— Какую историю?

— Дома узнаешь. За обедом и при маме — она вкуснее рассказывает.

Родители Сю оказались ровно такими, какими я их себе представляла по четырнадцати годам рассказов: миссис Барклай обняла меня так, будто я вторая дочь, вернувшаяся с войны, мистер Барклай молча пожал руку и тут же предложил посмотреть удочки. Дом у них был светлый, кукольный — в буквальном смысле: мама Сю реставрирует старинных кукол, и из шкафа в гостиной на меня смотрели несколько десятков фарфоровых девочек с глазами людей, которые всё видели.

— Они милые, — неуверенно сказала я.

— Они жуткие, — поправила Сю. — Ночью не ходи мимо гостиной. Не потому что что-то случится, просто не ходи, психика целее будет.

Мастерскую мне тоже показали — мама Сью сияла, как девочка, заполучившая наконец благодарного зрителя. Вдоль стены — огромный стеклянный шкаф, в нём два десятка фарфоровых дам: викторианские, довоенные, одна, по словам хозяйки, «приехала из Германии в чемодане с двойным дном — не спрашивай». Миссис Барклай брала их в руки, как новорождённых, подкрашивала им губы беличьей кистью, перешивала крошечные платья на машинке размером с тостер — и продавала потом коллекционерам за деньги, на которые можно слетать в Европу. Меня это жуть как впечатлило, если честно.

— А вот эту я не продам никогда.

Она показала мне куклу с отбитой щекой, заклеенной так искусно, что шов был виден только на просвет.

— Почти как новая, — восхитилась я.

— Её выбросили, представляешь? Нашла на гаражной распродаже, в коробке «всё за доллар». Такую работу — в коробку за доллар.

Она поставила куклу в центр шкафа, на лучшее место, и я подумала, что понимаю, в кого Сью выросла человеком, который подбирает брошенное. Они всей семьёй такие. Меня, между прочим, тоже подобрали.

— Знаешь, в чём секрет, деточка? — Она повернула куклу к свету, и шов исчез совсем. — Люди думают, реставрация — это сделать как было. А «как было» уже никому не сделать. Реставрация — это сделать так, чтобы поломка ста-

ла частью биографии. Видишь щеку? Она не скрывает, что была разбита. Она просто живёт дальше. — Миссис Барклай поставила куклу на полку, к остальным, и добавила без всякого перехода: — С домами так же. И с людьми.

Я кивнула из вежливости. Понадобилось много времени, чтобы понять: в тот день мне выдали инструкцию ко всей моей будущей жизни. Просто я ещё не умела читать по-кукольному.

Гостевая комната оказалась продолжением кукольной темы: обои в мелкий цветочек, белая мебель, бежевое покрывало. Я почувствовала себя куклой, которую наконец купили и привезли домой. Это было неожиданно приятно.

Историю мне рассказали за обедом, на веранде, под лимонад и куриный пирог. Рассказывали хором: миссис Барклай вела сюжет, Сью отвечала за спецэффекты.

— Почти одиннадцать лет назад в том доме жила семья. Миллеры: отец, мать, девочка одиннадцати лет и мальчик девяти. Однажды осенью они собрались в круиз — и не уплыли. На корабль не сели, из дома не выехали, обе машины остались в гараже. Просто исчезли — все четверо, разом, как будто дом их... — тут миссис Барклай понизила голос, — ...проглотил.

— Мам, — сказала Сью с удовольствием, — расскажи про собак.

— Ох, собаки. — Миссис Барклай прижала ладонь к груди. — У них были две собаки. Они были. Несколько дней,

представляешь? Соседи сначала думали — хозяйева вот-вот вернуться. А потом приехала служба, вскрыли дом... собаки там, всё цело, посуда вымыта, постели заправлены. А людей нет. И с тех пор — одиннадцать лет — туда никто не входит. Говорят... — голос упал до шёпота, — говорят, в доме есть чёрная дыра. Шагнёшь не туда — и всё.

— Ещё говорят, что по ночам в доме кто-то бродит, — вставила Сюю замогильным тоном. — И что собаки выли, потому что видели то, чего людям видеть нельзя.

Я слушала и честно ждала, когда станет страшно. Не становилось. Вместо страха в груди разгоралось что-то другое, неприличное в данных обстоятельствах: интерес. Даже хуже — притяжение.

— А почему его не продали? — спросила я. — Одиннадцать лет пустой дом, это же ипотека, страховка, налоги...

— А вот это самое интересное, — оживилась миссис Барклай. — Ипотеки не было, дом покупали за наличные. Про страховку не знаю... А налоги кто-то платил! Родственник какой-то. Здесь говорят — верил, что они вернуться.

Что-то щёлкнуло у меня внутри — там, где живёт мой план Б. Я аудитор, меня сложно напугать призраками, но цифры — другое дело. Человек, который год за годом, платит налоги за пустой дом — это не сюжет для страшилки. Это сюжет для аудита.

И ещё одна мелочь царапнула — я отметила её краем сознания и забыла на время, о чём потом жалела. Все местные

страшилки были подозрительно складными. Чёрная дыра, хождение по ночам, собаки, видевшие лишнее, — у городских легенд обычно сто версий, а тут все рассказывали одно и то же, почти слово в слово. Как будто у местного фольклора был один автор и очень старательный редактор.

После обеда я вышла на улицу — «прогуляться», сказала я, и это даже не было враньём. Ноги сами понесли меня по идеальному тротуару, мимо дубов с бородами, и остановились напротив гнилого зуба.

Вблизи он был ещё хуже и ещё лучше одновременно. Хуже — потому что запустение вблизи всегда печальнее. Лучше — потому что под травой и облезшей краской проступал хороший, честный дом: крепкая крыша, окна, которые когда-то кто-то мыл по субботам. Дом не выглядел зловещим. Он выглядел брошенным. Это разные вещи, уж я-то знаю.

Тут надо признаться в одной вещи, о которой не знает даже Сью — точнее, знает, но считает шуткой. Я скряга. Четырнадцать лет я откладывала каждый доллар, который не был нужен для выживания: гонорары за эпизоды, премии за отчёты. У меня на счету лежит сумма, от которой мой банковский менеджер делает стойку, как кот на щелчок открывающейся консервной банки — но я так и не купила жильё, потому что копила не на квартиру, а на дом. Свой дом — это была моя вторая мечта, тихая, на которую, в отличие от первой, никто не смел сказать «нам нужен другой типаж».

Я стояла напротив чужого осиротевшего дома, и вторая

мечта внутри меня вдруг подняла голову и принялась. Справедливости ради, принялась она не впервые. За последние года три я объездила, наверное, дюжину опен-хаусов по всему Лос-Анджелесу: приходила, бродила по чужим гостиным с бесплатным печеньем, слушала риелторские песни о «потенциале» и «характере». И каждый раз что-то удерживало: то цена кусалась, то район не тот, то просто не ёкало. Я ждала дом, в который влюблюсь. Звучит как из дамского романа, знаю. Но скряги сентиментальны в одном-единственном пункте — в том, на который копят.

— Эй! — Сю догнала меня, дожёвывая пирог. — Ты чего сбежала? Мама уже достала альбом с куклами, ты многое теряешь.

— Сю. А он продаётся?

Подруга проследила мой взгляд, и глаза у неё стали размером с блюда.

— Ты сбрендил? Это же дом с привидениями. Я тебе только что целый обед рассказывала!

— Ты рассказывала. Я слушала. Он продаётся?

— Нет! Не знаю. Много лет не продавался. — Она посмотрела на меня внимательнее, и в её глазах за страхом проступило кое-что родное: любопытство. У Сю оно всегда побеждало, надо было только подождать. — Слушай... а хочешь, вечером залезем? Просто посмотреть. Я сто лет хочу туда заглянуть, одной страшно, а с тобой нет.

— Да, — сказала я раньше, чем успела подумать.

Если бы я умела думать быстрее, чем соглашаться, вся эта история была бы намного короче.

ГЛАВА 4

ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

К вечеру боевой дух Сью испарился примерно наполовину, и эту половину она компенсировала экипировкой. На дело подруга собралась так, словно мы шли не в соседний двор, а на штурм бункера: два фонарика, перцовый баллончик, свисток («кричать я от страха не смогу, а дунуть — дуну») и пачка печенья — «на случай, если придётся пересидеть». Кого пересидеть и почему с печеньем, я уточнять не стала.

— Запоминай легенду, — шептала она, пока мы шли по идеально освещённой, абсолютно пустой улице походкой двух очень подозрительных людей. — Если что, ты присматриваешь этот дом для покупки. А я... я твой риелтор.

— Риелторы показывают дома в десять вечера через дырку в заборе?

— Лучшие — да. У лучших всё расписано.

Калитка держалась на одной петле и приоткрывалась ровно настолько, чтобы пропустить взрослую женщину со средней самооценкой и пачкой печенья. Во дворе нога по щиколотку проваливалась в листву — много лет, которую никто не убирал. У стены дома штабелем стояли зеркальные полотна, и в них отражалась луна — по одной на каждое, целый склад лун. Сью увидела это и молча взяла меня за рукав.

— Это зеркала, — сказала я.

— Я знаю, что это зеркала. Просто держусь за тебя, чтобы ты не споткнулась.

— Конечно.

— Не зазнавайся.

Дверь на заднюю веранду поддалась со скрипом, от которого где-то в соседнем квартале наверняка проснулся кардиолог.

Внутри нас встретила плетёная мебель под таким слоем пыли, что определить её цвет смог бы только археолог, армия мёртвых растений в горшках и популяция розовых фламинго — пластиковых, выцветших, расставленных повсюду. Когда-то они, видимо, изображали тропики. Теперь они изображали мусор, который не донесли до помойки.

В дальнем углу стояло джакузи, потрескавшееся, как пересохшее озеро. Сюю посветила на него фонариком и хмыкнула:

— Роскошно жили люди.

А я стояла посреди этого пыльного кладбища фламинго — и у меня внутри происходило что-то неприличное. Я видела не разруху, а как это будет. Я моргнула — видение не исчезло. Оно стояло и ждало, когда приступлю.

Видение было подробным до неприличия. Потолок — тёплого светлого цвета. Старые вентиляторы долой, по периметру — гирлянда маленьких лампочек, жёлтых, ламповых. Вместо покойного джакузи — гамак. Напротив — большие

качели, чтобы скрипели правильно, по-вечернему. Плетёная мебель остаётся на своих местах, только новая. У входа — стол на шесть персон, потому что за столом на шесть персон жизнь налаживается сама собой. И зелень: папоротники, мини-пальмы, фикусы и всякое выющееся-плетущееся — чтобы стояло и висело везде, где есть куда поставить и повесить. Веранда-остров. Я закрыла глаза, увидела это готовым — и у меня на все сто захватило дух.

Кажется, в тот момент всё и решилось. Все важные решения моей жизни выглядят одинаково: сначала я их принимаю, потом узнаю об этом.

— Эм. — Голос Сью звучал странно. — Эм!

— Что?

— Там... — Она светила фонариком в окно дома, и луч ходил ходуном. — Там кто-то стоит.

Я посмотрела. За мутным стеклом, в глубине тёмной комнаты, действительно стоял человек — неподвижный, прямой, с неестественно ровными плечами.

— Сью.

— А?

— Это манекен.

Пауза. Луч фонарика перестал дрожать, упёрся в фигуру, обшарил её с ног до головы — портновский манекен, рядом швейная машинка, полки с тканями.

— Я знала, — сказала Сью с достоинством. И икнула.

Пока подруга восстанавливала дыхание и репутацию, я

добрела до сарая в глубине участка. Зелёный, покосившийся, он выглядел старше самого дома. Дверь была приоткрыта — приглашение, от которого я не смогла отказаться.

Внутри пахло химией и временем. Луч фонарика выхватил полки с инструментами, картонные коробки, из одной торчали аудиокассеты и компьютерные дискеты — привет из эпохи, когда интернет пищал, подключаясь. У стены стояли лыжи. Четыре пары. Две — детские.

Лыжи во Флориде — это само по себе сюжет. Но царапнуло меня другое: на полу, по всему сараю, расплылись и засохли разноцветные кляксы — краска, растворитель, ещё какая-то вонючая дрянь из перевёрнутых банок. Беспорядок как беспорядок, если бы не одна мелочь: полка, с которой всё это якобы упало, висела на стене ровно, как по уровню. Я посмотрела на ровную полку, на художественный разгром под ней, пожала плечами — мало ли, кто и что тут ронял много лет назад, — и вышла.

И уже в темноте двора меня царапнуло ещё раз — не глазами, затылком. На секунду показалось, что из черноты за сараем, из того угла, куда не доставал ни один фонарь, на меня смотрят. Не следят даже — рассматривают, спокойно и по-хозяйски, как рассматривают чужого, забредшего в твой двор. Я обернулась: куст, покосившийся забор, темнота на одиннадцать лет вглубь. Никого. Я списала это на воображение, которое в чужом дворе всегда работает сверхурочно, и пошла к Сью.

Она меня ждала снаружи — икающая и уже почти гордая собой. А ещё нас обоих ждал звук, от которого её икота прошла мгновенно и навсегда: по улице, мягко шурша шинами, к дому подкатила патрульная машина.

— Полиция! — ахнула подруга. — Соседи сдали! Тут рай не только со страховкой, но и с системой доносов!

— Легенда, — напомнила я. — Я покупательница, ты риелтор.

— К чёрту легенду, я тебя не знаю! — И эта женщина, четырнадцать лет называвшая себя моим лучшим другом, юркнула в калитку с такой скоростью, будто всю жизнь только и ждала возможности официально от меня отречься.

Я осталась. Прятаться было глупо, бежать — поздно, поэтому выбрала третий вариант, любимый: вжалась в стену дома за разросшимся кустом и стала надеяться на чудо.

Хлопнула дверца. По двору пошли шаги — неторопливые, хозяйские. Потом замерли. Потом — я не поверила своим ушам — человек втянул носом воздух. Раз, другой. Как собака, берущая след.

«Если в полнолуние он превращается в волка, — подумала я, — то сегодня, судя по луне над зеркалами, у меня большие проблемы».

Куст передо мной раздвинулся. На меня, подсвеченный луной, смотрел мой попутчик из самолёта. Те же глаза цвета виски, та же челюсть из рекламы — только теперь всё это было упаковано в полицейскую форму, и, надо отдать долж-

ное моей интуиции, форма сидела на нём ровно так, как я и предполагала. Несколько секунд он молчал — узнавал. Потом упёрся ладонями в стену по обе стороны от меня, отрезая пути к отступлению, и сказал:

— Привет, озабоченная.

— Это была не я, — ответила я с достоинством человека, прижатого к стене чужого дома в десять вечера.

— В самолёте тоже была не ты?

— В самолёте была я. Но это не то, что ты... — Я услышала себя со стороны и сдалась. — Знаешь что? Каждый раз, когда я начинаю тебе что-то объяснять, становится только хуже. Поэтому больше объяснять не буду.

— Жаль. Это были лучшие объяснения в моей жизни. — Он наклонился ближе. От него пахло мятой и почему-то домом. — Что ты делаешь на чужом участке?

И тут я сделала то, чего от себя не ожидала — сказала правду:

— Я хочу купить этот дом.

Брови у него медленно поползли вверх, словно кто-то поднимал жалюзи.

— Этот?

— Этот.

— Дом, из-за которого половина округа ходит другой стороной улицы?

— У меня иммунитет. Я четырнадцать лет в Голливуде, меня не пугает ничто, у чего нет кастинг-листа.

Он засмеялся — неожиданно легко для человека при исполнении. И это оказалось последней каплей. Луна была слишком большой. Стена — слишком тёплой. А здравый смысл, видимо, решил взять выходной. Я ухватила его за ворот форменной рубашки, притянула к себе и поцеловала.

— Энджел, у тебя там всё в порядке? — донеслось от калитки.

Мы отлепились друг от друга со скоростью подростков, услышавших родительские шаги.

— Всё в норме, Роб! — крикнул он, не отводя от меня глаз. Дыхание у него, отметила я с мстительным удовольствием, было совсем не в норме.

— Энджел? — переспросила я шёпотом. — Серьёзно? Ангел?

— У мамы свои представления о прекрасном. — Он отступил на шаг и вдруг стал почти серьёзным. — Кстати, о маме. Ты правда хочешь купить эту развалину?

— Правда.

Он достал телефон, набрал номер и, глядя на меня, сказал в трубку:

— Мам, привет. Не спишь? Тут девушка интересуется домом потеряшек... Да. Да, нашлась наконец. Нет, не сумасшедшая. — Пауза. Он окинул меня взглядом. — Почти. В понедельник он выходит на маркет? Понял. Передам.

Он убрал телефон и улыбнулся так, что стало ясно: эта семья умеет продавать.

— Моя мать — риелтор. У этого дома слишком тяжёлая история, поэтому два года она пыталась продать его без широкой рекламы — через своих клиентов. Не вышло. После завтра дом официально выходит на рынок и ты посмотришь его первой.

— Спасибо.

— Пожалуйста, а теперь топай домой, пока Роб тебя за проникновение не оформил. Твоя подруга, кстати, слиняла недалеко — вон она, за почтовым ящиком трётся. Думает, что её не видно.

Я уже выходила в калитку, когда он окликнул:

— Эй, покупательница. Один вопрос: сколько ты готова заплатить за дом, которого все боятся?

Я обернулась. Луна висела над зеркалами, дом стоял за его спиной — тёмный, терпеливый, мой.

— Надо подумать.

Домой мы шли вдвоём, и Сью проводила допрос с пристрастием, по сравнению с которым любой полицейский допрос — светская беседа.

Вёлся он по всем правилам: хронология («с какой секунды ты поняла?»), следственный эксперимент («покажи, как он стоял!») и очная ставка с моей совестью («а кто мне рассказывал про иммунитет?!»). На середине эксперимента, изображая «как он наклонился», Сью врезалась в почтовый ящик, и на шум вышла доносить чья-то такса. Приговор огласили у самой двери: виновна; мера пресечения — рас-

сказывать ей всё первой, пожизненно. Я подписалась не глядя. С этим следствием лучше сотрудничать.

ГЛАВА 5

БЕСЕДКА

Смс пришла на телефон Сю, потому что моего номера у него не было.

«Передай покупательнице: ужин в семь, форма одежды свободная, вход через задний двор. Если она полезет через забор, я пойму, но у меня есть калитка».

— От кого это? — спросила я, хотя экран был у меня перед глазами и контакт назывался «Сладенький сосед».

— От сладенького соседа, — невозмутимо ответила Сю.
— Что? Это объективная оценка. Я дала её до того, как ты на него запала, так что без претензий.

— Я не запала.

— Конечно. Ты просто целуешься со всеми полицейскими, которые находят тебя в кустах. Это вежливость такая.

Она отобрала у меня телефон и напечатала ответ: «Будет в семь. Накорми её нормально, она не ест, когда нервничает».

— Так, теперь главное. Что наденешь?

Следующие два часа моей жизни я предпочту опустить.

В семь вечера я стояла у соседской калитки в сарафане, который Сю назвала «случайным», хотя случайного в нём было не больше, чем в свадебном платье.

Задний двор Энджела упирался в воду. У самого причала

стояла деревянная беседка, увитая диким виноградом. Когда я подошла, он что-то щёлкнул — и всё сооружение вспыхнуло сотней маленьких лампочек.

— Та-дам, — сказал Энджел и раскинул руки, как фокусник.

— Ты романтик, — констатировала я.

— Я практик. — Но уши у него порозовели, и я сделала вид, что не заметила, а он сделал вид, что не заметил, что я заметила. На этом фундаменте взаимного притворства, как известно, держатся лучшие отношения.

На столе обнаружили вино, сыр, виноград, орешки, оливки, багет и салями. Судя по толщине ломтей, ножом Энджел пользовался примерно так же часто, как вазой для цветов.

— Красное или белое? — спросил Энджел, поднимая бутылку.

— Красное сухое, — ответила я не задумываясь.

Он кивнул с удовлетворением человека, поставившего на правильную лошадь. Подозреваю, белое тоже стояло наготове где-то под столом: полицейские готовятся к допросу по всем веткам сценария.

Из тени вышла немецкая овчарка — большая, тёмная, с сединой на морде и взглядом ветерана, который всё видел и ничему не удивляется. Пёс обошёл меня по кругу, обнюхал подол сарафана, сел напротив и уставился — не на меня. На тарелку с сыром.

— Это Флинт, — представил Энджел. — Флинт, это Эмма. Она думает, что я стриптизёр.

— Кто тебе сказал? — удивилась я.

— Подружка твоя, — он усмехнулся.

Было видно, что Сю выболтала ему не только это.

— Я уже так не думаю!

— Ага, я понял, мой бейдж и полицейская машина убедили тебя, что форму я одеваю не для сцены.

— Псу я по-моему не нравлюсь, — решила я перевести тему.

— Наоборот. Просто зови его справа: левым ухом он не слышит совсем, а правым — только то, что считает нужным. Контузия.

— Контузия?

Я посмотрела на пса внимательнее. Шрам на боку, седина, спокойствие, которое бывает только у тех, кому уже нечего доказывать.

— Флинт — военный пёс. В отставке. — Энджел разлил вино и сел напротив, и голос у него стал на тон ниже. — Искал взрывчатку. Его проводник был моим другом. Друга не стало, Флинта зацепило, врачи говорили — не выкарабкается. Выкарабкался. Военных собак просто так не отдают. Пришлось повоевать с бумагами. Но я упрямый. А он — всё, что осталось от Ларри.

— Значит, теперь он твой, — сказала я, глядя, как пёс укладывает голову ему на колено. Энджел покачал головой.

— У военных псов не бывает хозяев. У них есть боевой товарищ. Должность освободилась — я заступил.

Он продолжал гладить собаку, будто сказал что-то совершенно обычное.

Гирлянды тянулись не только по беседке — по перилам всего причала, до самой воды, и в чёрной воде озера горел их двойник, перевёрнутый и дрожащий. Я спросила, давно ли он всё это развесил.

— В прошлом году.

— Для кого?

— Ни для кого. Просто темно же.

— А почему Флинт гипнотизирует сыр?

— Помнишь мультик «Чип и Дейл»? Там был Рокки, у которого от сыра душа покидала тело. Флинт такой же. За кусок пармезана он продаст меня, тебя и военную тайну.

Я отломилась сыра и протянула псу. Флинт принял подношение деликатно, одними губами, проглотил не жуя и посмотрел на меня с новым выражением. Теперь я была не гостья. Теперь я была поставщик.

— Поздравляю, — сказал Энджел. — Ты подкупила должностное лицо.

— Он в отставке. Это просто лоббизм.

Мы засмеялись одновременно, и как-то само собой оказалось, что сидим мы уже не напротив, а рядом, и его рука лежит на спинке качелей за моей спиной — не обнимая, но обозначая намерение. Качели поскрипывали. Лампочки от-

ражались в воде. Где-то вдалеке урчал чей-то катер.

Я спросила, чем вообще занят полицейский в округе, где самое опасное — стремянка.

— Ищу кота, — сказал Энджел без тени иронии. — Рыжий. Зовут Мандарин. Убегает раз в два дня четвёртый год подряд. Хозяйке восемьдесят один, и она считает, что запира́ть кота — это против Конституции: страна свободная, свобода положена всем, у кого есть ноги. Мы его ищем.

— Находите?

— Иногда. Чаше возвращается сам, к ужину. Но искать надо, иначе она обидится. — Он отпил вина. — За кота платят кофе и пирогом. Пирог, между прочим, выдающийся. Ещё есть мистер Кобб: у него дети топчут газон. Звонит по вторникам. Я приезжаю, мы стоим и молча смотрим на газон. Он показывает следы. Я говорю: «Понял, мистер Кобб». Его хватает на неделю.

— И это всё?

— Это всё. Девяносто девять процентов смертей в этом округе — от возраста и от лестниц. У нас тут скучно, покупательница. Я много лет учился делать скуку своей работой и, кажется, почти научился. Теперь о деле, покупательница. — Он отпил вина. — Ты ночь подумала. Не передумала?

— Нет.

— Задам вопрос, который задал бы любой нормальный риелтор и не задаст моя мама, потому что она хочет избавиться от этого дома сильнее, чем ты хочешь его получить.

Ты видела его только снаружи. Почему он?

— А почему Флинт? — спросила я вместо ответа. — Могла быть собака помоложе, поздоровее, со слухом. А ты выбрал этого.

Энджел смотрел на меня долго и непривычно серьёзно.

— Я его не выбирал. Просто понял, что, кроме меня, его не возьмёт никто.

— Вот, — тихо сказала я. — Вот поэтому.

— Дом простоял пустым почти одиннадцать лет. Там внутри неизвестно что.

— Известно. Манекен. Твоя соседка Сью чуть не умерла от него смертью храбрых.

— Я серьёзно. — Он повернулся ко мне, и в глазах цвета виски было ровно пятьдесят на пятьдесят виски и беспокойства. — Зачем тебе именно этот дом? В округе продаются нормальные. Без легенд, без манекенов, с живыми газонами.

Я могла отшутиться. У меня было заготовлено штук пять вариантов, один другого круче. Вместо этого я рассказала ему то, чего не рассказывала никому, кроме Сью, — да и Сью не всё.

Про Сидней, штат Небраска, где ветер пах коровниками и скошенной травой, а за последним домом начинались поля, которым, казалось, не будет конца. Где на весь город один светофор, а главным событием года легко могло стать открытие новой заправки.

Про то, как мне было девять и отчим Джим — единствен-

ный человек, который любил меня без условий и расписания, — на неделю заперся в гараже, а на день рождения подарил мне кукольный домик. Трёхэтажный. С обоями в комнатах, с паркетом из палочек от мороженого, с занавесками, которые мама сшила из старой наволочки. Я была готова жить в нём сама, если бы вошла.

Про то, что раз в месяц он сажал меня в пикап и вёз в Денвер — сто восемьдесят миль в один конец, ради зоопарка, кино и стаканчика мороженого, — и обратно я всегда спала. Про то, что он читал мне на ночь и заплетал мне косы, чего мама не делала ни разу: у неё не выходило, а у Джима, человека с руками столяра, выходило туго и ровно.

Своих детей у него не было. Мне казалось, что это просто закон природы: есть Джим, и он тебя любит. Никто не предупредил, что законы бывают временные.

Джима не стало через четыре года, и оказалось, что дом, в котором мы жили, заложен. Банк забрал его вместе с гаражом, верстаком и запахом стружки. Домик остался со мной. Всё остальное — нет.

Про то, как мы переехали в съёмную квартиру на окраине, где стены были такими тонкими, что можно было жить чужими разговорами, а из крана текла ржавая вода. Кажется, именно тогда я впервые поняла, как ненавижу всё временное. Мама после смерти Джима так и не смогла оправиться, а я дала себе слово, что однажды у меня будет свой дом. Такой, который никто не сможет забрать.

Кукольный домик я отдала в школьный музей не потому, что выросла. Просто в съёмной жизни почему-то никогда не находится места для дома. Даже игрушечного.

Я его навестила. Один раз, много лет спустя: приехала в Сидней хоронить маму, отсидела всё положенное и вместо поминок пошла в школу. Уборщица впустила без вопросов — в Сиднее все всех знают, а женщину в чёрном не спрашивают, куда она идёт.

Домик стоял в стеклянном шкафу, между гербарием и кубком по бейсболу за девяносто девятый. Занавески из маминой наволочки выгорели до белого. Паркет из палочек от мороженого был на месте — весь, до последней.

Я простояла у витрины минут двадцать и, чтобы не зареветь, делала то, что умею. Считала. Комнат было девять. Всё, что осталось от моей семьи, помещалось в шкаф между гербарием и кубком — и было учтено.

— С тех пор я коплю, — закончила я. — Много лет. Все говорят: «Эмма, ты скряга», «Эмма, купи себе нормальные туфли». А я не скряга. Я просто знаю, что дом — это не недвижимость. Это доказательство, что ты жил правильно. И когда я вчера стояла на той веранде, среди облезших фламинго... он мне его напомнил. Кукольный. Только в этот раз я влезаю.

Стало тихо. Флинт положил голову мне на колено — то ли сочувствие, то ли стратегия по сыру, с ним не разберёшь. Энджел молчал и смотрел на воду, а я уже привычно приго-

товилась извиняться за то, что сказала больше, чем собиралась.

— Ладно, — произнёс он наконец и достал телефон. — Тогда сделаем всё правильно.

— Что ты...

— Тихо.

Он набрал номер и сделал мне страшные глаза.

— Мам, привет. По дому потеряшек. Завтра покажешь его изнутри? Покупательница настроена серьёзно... Да, та самая.

Он выслушал ответ.

— Нет, не передумала.

Он улыбнулся уголком рта.

— Слушай... если после осмотра она не сбежит, есть смысл сразу идти к нижней планке?

Он снова замолчал, слушая.

— Знаю, что его и так выставили заметно ниже рынка. Но ты же сама говорила: дом ещё потребует кучу денег. Не хочу, чтобы человек сначала вложил целое состояние в ремонт, а потом вспоминал тебя недобрым словом.

Ещё одна пауза.

— Нет, я не торгуюсь. Я просто хочу, чтобы всё было честно.

Он выслушал мать до конца и тихо рассмеялся.

— Хорошо. Значит, до этой суммы они ещё согласятся. Ниже уже никак? Понял. Тогда завтра поговорим на месте.

Спасибо. Люблю тебя.

Он убрал телефон в карман.

— Домом владеет не мама, она его продаёт. И вот что забавно: округ забрал его не за налоги — налоги как раз платились, много лет, как часы. Забрал за траву. Много лет предписаний за нескошенный участок, штраф за штрафом, пеня на пеню — набежало на дом. Округ пошёл в суд, суд разрешил взыскание, дом ушёл с торгов, и взяла его фирма из Джексонвилла — из тех, что скупают такие лоты пачками. Мама только ведёт сделку.

Я вопросительно посмотрела на него.

— Такие дома стараются перепродать побыстрее. Они взяли его на торгах — вместе с двумя десятками других лотов, не глядя, — и застряли ровно на одном, который не хотят покупать. Два года: страховка, покос по предписанию — раз в сезон, когда округ пришлёт бумагу — жалобы соседей, и каждый месяц простоя ест их же прибыль. Теперь у них дом, за который они платят ровно за то, за что округ отобрал его у прошлого хозяина. Поэтому его и выставили намного дешевле рынка. А мама знает нижнюю планку, ниже которой они не пойдут. Если после осмотра ты не передумаешь, есть шанс купить его заметно ниже того, что он стоит. Мама назвала и цифры. Дома у самой воды, с причалами, уходят здесь от восьмисот пятидесяти до полутора миллионов. Этот стоит почти в начале улицы, без выхода к воде. В хорошем состоянии такой дом ушёл бы за пятьсот — пятьсот пятьде-

сят. Но он простоял пустым одиннадцать лет: ремонта тут на сотню, если не больше, плюс легенда в придачу. Нижняя планка, ниже которой фирма не пойдёт, — триста двадцать.

— Ты сейчас торговался против собственной матери?! — спросила я, а в уме уже подсчитывала собственные сбережения.

— Я торговался за справедливость. Мама уже давно мечтает, чтобы этот дом наконец перестал быть головной болью всего района. Ты хочешь его купить, я хочу... — он осёкся на полуслове, и уши у него снова покраснели. — ...чтобы все были довольны. Всё?

— Все довольны, — сказала я. И, поскольку вечер уже один раз показал, что честность работает, добавила: — А что ты хотел сказать вместо «чтобы все были довольны»?

— Узнаешь позже. У нас, романтиков-практиков, всё по расписанию.

Он проводил меня до калитки Барклаев. Лампочки за нашими спинами гасли секциями — беседка, перила, причал, — пока не осталась одна луна. У калитки он наклонился и поцеловал меня — на этот раз первым, аккуратно сравнив счёт.

— Завтра в десять мама ждёт нас у дома, — сказал он. — Выспись. Осмотр этого дома — это испытание.

— Жду не дождусь. Хочу наконец увидеть, что там внутри, кроме манекена.

— Увидишь. — Он уже шагнул в темноту, но обернулся,

и в лунном свете я не смогла прочитать его лицо. — Только сделай себе одолжение, покупательница. Не спрашивай завтра у мамы, почему его за два года никто не купил.

— Почему?

— Потому что она расскажет. А ты спросишь ещё. А потом ещё. — Он свистнул Флинта. — Ты из тех, кто спрашивает, пока не станет поздно. Я таких за милю чую.

ГЛАВА 6

ОСМОТР

Третье сентября. Лейксайд.

Сабрина Стоун, мать Энджела и, по его словам, риелтор, способный продать во Флориде даже болото, ждала нас у дома ровно в десять — высокая брюнетка с улыбкой с обложки и возрастом, который я не взялась бы определить под присягой. Ей могло быть сорок пять, что маловероятно при таком сыне, и могло быть шестьдесят, что оскорбительно для её шеи. В руках она держала папку и расстояние.

Расстояние было главным. Миссис Стоун стояла от собственного объекта продажи так, как стоят от клетки с тигром: вежливо, профессионально и вне прыжка.

— Эмма! Наслышана. — Рукопожатие у неё было крепкое, риелторское. — Договор и предложение на дом готовы. Вы пока осмотритесь, а я... подожду здесь. В тени. У меня кожа, солнце, вы понимаете.

Солнце в этот момент закрывала туча размером с Канзас.

— Мама не заходит внутрь, — вполголоса пояснил Энджел, отпирая дверь. — Никогда. Два года продаёт этот дом и ни разу не переступила порог. Просила меня локбокс повесить, чтобы даже ключи в руках не держать.

— Серьёзно? Твоя мама? Та самая женщина, которая родила и вырастила полицейского?

— Та самая женщина смотрит передачи про привидений и солил порог после плохих клиентов. Не задавай ей вопросов про дом, умоляю. У нас сделка на кону.

Дверь открылась без скрипа — вот что странно. Я ждала стоны столетних петель, а дом впустил нас тихо, как будто прислушивался.

Внутри пахло пылью и старыми книгами — так пахнет в библиотеках и у бабушек. Я приготовилась к разрухе, а попала в стоп-кадр. У раковины на кухне стояла вымытая посуда — четыре тарелки, четыре чашки, аккуратной стопкой, как будто хозяйка домывала последнюю и вышла в соседнюю комнату. На диване лежал плед, смятый с одного угла. В шкафу за стеклом выстроились книги, и на корешках лежала пыль — единственное доказательство, что прошло одиннадцать лет, а не несколько минут.

— Они собирались в круиз, — тихо сказал Энджел за моей спиной. — Вещи собраны, дом прибран. Чемоданы, кстати, тоже нашли — стояли в прихожей. Полные.

— А машины в гараже. Я помню. Сю рассказывала. — Я провела пальцем по спинке стула и посмотрела на серую

подушечку пыли. — Знаешь, что самое жуткое? Не беспорядок. Порядок. Дом, в котором всё на местах, кроме людей.

Мы пошли по комнатам. Гостиная с камином — хорошим, настоящим, под ним даже лежали дрова, ждали зимы, которая во Флориде так и не наступила.

Швейная мастерская, где манекен — мой старый знакомый — стоял у окна, и при дневном свете в нём не было ничего страшного. Почти.

— Привет, — сказала я ему. — Извини за Сью. Манекен не возражал. Сговорчивый сосед — уже плюс.

В мастерской на столике у швейной машинки лежала недошитая вещь — детский карнавальный плащ, синий, со звёздами, замерший под иглой на половине шва. Хэллоуин в тот год так и не наступил.

Столовая хранила стол на шесть персон и сервант, за стеклом которого пылился парадный сервиз — тот, что достают дважды в год и берегут для гостей, которые больше не придут.

На кухне, кроме вымытой посуды, обнаружился список покупок, прижатый к холодильнику магнитом-ананасом: молоко, хлопья, что-то зачёркнутое. Дальше я читать не стала. Есть пределы даже у моего любопытства — теперь я знаю, что проходят они по чужим спискам покупок.

Между детскими пряталась общая ванная: два полотенца на крючках — голубое и розовое, разумеется, — коврик, шампуни на полочке, кораблик на бортике ванны. Дом, где

даже полотенца много лет ждали своих.

А потом были две двери в конце коридора, за первой оказалась голубая комната, а за второй розовая.

В голубой на полке выстроились машинки — по росту, от самосвала до гоночной мелочи. Кровать была застелена покрывалом с ракетами. В розовой на подушке сидели две куклы, и у одной из них были волосы, заплетённые в косичку — не фабричную, человеческую, кривоватую, какие плетут девочки сами себе и своим куклам. На стене висел рисунок: дом, солнце, четыре человека, собаки. Подпись фломастером — буквы в разные стороны.

Я стояла посреди розовой комнаты и слушала, как у меня внутри что-то тихо переворачивается. Смеяться расхотелось. В этих двух комнатах одиннадцать лет никто не смеялся, и дом это, кажется, помнил.

— Эй. — Энджел тронул меня за плечо. — Ты в порядке?

— Да. Нет. Не знаю. — Я кивнула на рисунок. — Их же так и не нашли. Никого.

— Никого, — сказал он ровно. Полицейским голосом. А потом добавил обычным: — Пойдём. Покажу тебе худшую комнату, для равновесия.

Худшая комната ждала в другом крыле, и о ней меня предупредил нос — за три метра до двери. Хозяйская спальня встретила нас зловонием такой плотности, что его можно было резать на ломти и продавать как оружие. Здесь одиннадцать лет назад заперли собак — и собаки, брошенные, обе-

зумевающие, превратили спальню в филиал ада: погрызенные ножки мебели, ободранный угол матраса, тёмные разводы на полу, и над всем этим — годами настоявшийся аммиак.

— М-да, — сказала я сквозь рукав.

— Угу, — сказал Энджел сквозь свой.

— Одного не понимаю. Почему именно эта комната? Дом большой. Почему собаки были здесь?

— Может, дверь захлопнулась. — Он пожал плечами. — А может, им тут было спокойнее. Собаки выбирают странные места, когда боятся.

«Чего боятся?» — хотела спросить я и не спросила. Вопрос повис в вонючем воздухе и остался там вместе с остальными.

Зато практическая часть меня — та, которая аудитор, — уже работала: окна настежь, мебель на свалку, бетон отмыть, специальное средство, двое суток под плёнкой, и запах уйдёт. Безнадёжных комнат не бывает. Бывают ленивые хозяева.

Кабинет располагался рядом с хозяйской спальней: стол, офисное кресло и шкафы с кипами бумаг и старых фотографий.

Остаток осмотра прошёл как в тумане, и туман этот был розовый. Я бродила по комнатам и видела не то, что есть, а то, что будет: здесь кабинет, тут гостевая, в мастерской оставлю манекен — пусть живёт, заслужил. Дом не пугал меня. Он примерял меня, как примеряют пальто, — и, кажется,

я подошла по размеру. Когда мы выходили, сквозняк мягко прикрыл за нами дверь — не хлопнул, а именно прикрыл, бережно, как делают, когда внутри кто-то спит.

— Видел?

— Сквозняк, — сказал Энджел.

— Конечно, — согласилась я. И мысленно добавила: спасибо, что придержал.

Оффер мы подписывали на капоте машины миссис Стоун, и это были самые быстрые десять минут в истории флоридской недвижимости. Сабрина выкладывала бумаги с такой скоростью, словно боялась, что я очнусь.

— Продаётся как есть.

Я кивнула соглашаясь.

— Даже если захотите инспекцию...

— Я сама буду ремонтировать, к тому же цена не снизится, так что обойдёмся без инспекции, — перебила я её. Я понимала: пока будет идти проверка, может найтись кто-то ещё, кому этот дом понравится. И тогда мне он окажется уже не по карману.

— Цена со скидкой. Триста двадцать тысяч.

Я расписалась.

— Оплата без ипотеки, из накоплений.

Тут миссис Стоун впервые посмотрела на меня с настоящим, нериелторским уважением, как смотрят на людей, у которых внутри стальной стержень или большая травма. В моём случае — оба.

— Документы будут готовы от семи до четырнадцати дней. Так как наличные, всё пройдёт быстро. Поздравляю, — выдохнула она, убирая папку, и облегчение в её голосе можно было мазать на хлеб.

— Спасибо, — поблагодарила я.

— Вы даже не представляете, как я... то есть как я рада за вас.

За её плечом, по ту сторону улицы, происходило тихое народное собрание. Соседи — человек шесть пенсионеров с лейками, газетами и одинаково озабоченными лицами — наблюдали за нами с видом людей, у которых на глазах добровольца отправляют в жерло вулкана. Одна старушка, поймав мой взгляд, перекрестилась на автомате.

— Не обращай внимания, — сказал Энджел. — Через месяц будут носить тебе пироги или собирать на твои похороны. Во Флориде это часто одни и те же люди.

Первым подошёл высокий пожилой мужчина в чёрной рубашке с белым воротничком-стойкой. Святой отец, как выяснилось, жил через дом, обладал рукопожатием плотника и глазами человека, который слышал столько исповедей, что его уже ничем не удивишь.

— Значит, у нас новая соседка, — сказал он, улыбаясь. — Смелая девушка. Если понадобится помощь — с ремонтом, с чем угодно, — моя дверь открыта. Прихожане у меня рукастые.

— Спасибо, святой отец. Мне говорили, тут дружное со-

седство.

— Дружное, дружное. — Он ещё раз встряхнул мою руку и уже повернулся уходить, но задержался. Посмотрел на дом за моей спиной — долгим, профессиональным взглядом, каким, наверное, смотрят на прихожанина, который давно не появлялся. И сказал на прощание не «добро пожаловать», сказал:

— Храни вас Бог.

С ударением на «храни».

ГЛАВА 7

ЧТО ВИДЕЛА СЬЮ

Покупку дома положено отмечать. У нас был план: пицца, вино, тупой ужастик по кабельному — Сью настаивала, что после покупки дома с привидениями смотреть что-то другое непрофессионально.

План не сработал. Подруга весь вечер смеялась на секунду позже, чем надо, дважды переспросила то, что я уже говорила, а в десять объявила, что устала, и ушла к себе. В час ночи я спустилась на кухню за водой и увидела через стекло огонёк на веранде.

Сью сидела в темноте на качелях, поджав ноги, и курила. Перед ней в пепельнице лежало штук шесть окурков, и по их расположению — аккуратным веером — было видно, что она сидит тут давно и думает по кругу.

Я молча села рядом. Иногда лучший вопрос — это ника-

кого вопроса. Этому меня тоже научила она сама, четырнадцать лет назад, когда я рыдала из-за первого проваленного кастинга, а Сью просто села рядом и стала чистить апельсин.

Подруга продержалась полторы сигареты.

— Я кое-что натворила, — сказала она в темноту. — Дней десять назад.

Я ждала.

— Возвращалась с вечерней смены. Поздно, почти полночь, дорога пустая — знаешь, тот участок вдоль леса, где база? Фонарей нет, навигатор молчит, я еду и думаю про то, что Тина опять поставила меня на двойную... И тут он просто появился. Из ниоткуда. Шагнул на дорогу — прямо под фары.

Огонёк сигареты дрожал.

— Я по тормозам, руль влево... Удар был — зеркалом. Правым зеркалом, я слышала этот звук, Эм, я его теперь во сне слышу. Такой... короткий. Как хлопок. Остановилась метров через двадцать, выскочила, бегу назад, ору «вы живы?», а там... — Она затушила сигарету и обхватила себя руками. — А там никого. Понимаешь? Никого. Обочина, кювет, трава по пояс. Я туда, я сюда, фонариком с телефона... Полчаса лазала. Ни человека, ни крови, ничего. Только моё зеркало треснутое.

— А полиция?

— И что бы я им сказала? «Здравствуйте, я сбила человека, которого нет»? — Она невесело хмыкнула. — Я себя зна-

ешь как уговаривала? Олень. Тень. Мешок с мусором. Показалось. Почти поверила, Эм. Почти. А потом началось.

— Что началось?

— Я его вижу. — Сью повернулась ко мне, и в темноте её лицо было совсем белым. — В отражениях. Стою на кассе — а он в витрине за моей спиной. Мою руки в туалете кафе — а он в зеркале, у дальней стены. Поворачиваюсь — никого. Три раза уже. Нет — четыре. Сначала думала — совесть. Совесть же может, да? А теперь не знаю, что хуже: что у меня галлюцинации — или что он настоящий и ходит за мной.

— Ты его разглядела? Тогда, на дороге?

— На секунду. В фарах. — Она сглотнула. — Высокий. Очень высокий, Эм, под два метра. В чём-то армейском, защитном. И лицо... У него пол-лица — как оплавленное. Шрам... большой, на пол-лица. Такое не придумаешь. И такое не перепутаешь.

Мы посидели молча. Где-то у воды вскрикнула ночная птица, и Сью вздрогнула так, что качнулись качели.

— погоди, — сказала я. — Прокрути назад. Самое начало. Ты едешь, дорога пустая. Совсем пустая? Вспоминай медленно, как кино.

Сью закрыла глаза. Она всё-таки актриса, пусть и бывшая, — память на картинку у неё лучше чем у обычного человека.

— Поворот... за минуту до. Фары выхватили... — Она нахмурилась. — Странно. Я это только сейчас вспомнила. У поворота кто-то стоял. На обочине. С сумкой — большой

такой, спортивной. Просто стоял и смотрел на дорогу. Я ещё подумала: кого носит в полночь... А потом тот, второй, под колёса — и всё, у меня в голове только он остался. — Она открыла глаза. — Или мне и этот примерещился? Эм, скажи честно. У страха глаза велики, или я окончательно того?

— Ты не того, — сказала я твёрдо, хотя внутри у меня что-то неприятно шевельнулось — как тогда, у ровной полки в сарае. Два человека на пустой ночной дороге... Я отложила эту мысль в дальний ящик. У меня вообще проблемы с системой хранения. — Так. Слушай меня. Высокий военный со шрамом, ночью, пешком, у самой базы — это не призрак, это солдат. А солдат — это списки, пропуска и сослуживцы. Завтра едем на базу.

— Что, прямо так? «Здравствуйте, я тут сбила вашего бойца, не подскажите фамилию?»

— Нет. — Я уже улыбалась, потому что план родился сам, готовенький, и был он восхитительно идиотский. — Прямо так: «Здравствуйте, моей подруге понравился ваш сослуживец...»

— Я тебя умоляю.

— «...высокий такой, со шрамом. Она стесняется, а я нет».

— Эмма. Нет.

— Эмма да. У этой легенды есть главное достоинство: в неё поверят. В неё всегда верят. Никто не задаёт вопросов женщине, которая ищет мужчину, — все сразу начинают по-

могать или ржать. И то и другое нам подходит.

К проходной базы мы подъехали в одиннадцать утра. Сю осталась в машине — «для конспирации», а на самом деле потому, что у неё дрожали руки. Я дошла до будки КПП, где скучали двое дежурных, и включила своё лучшее «здравствуйте-я-не-местная».

Роль далась легко — я, в конце концов, четырнадцать лет это репетировала. Подруга, смущение, «понимаете, он её запал в душу», высокий, очень высокий, армейский, и вот тут особая примета...

На слове «шрам» дежурные переглянулись, и веселье из них вышло, как воздух из шарика.

— Это ж Билли, — сказал первый.

— Билли, — подтвердил второй и посмотрел на меня с непонятым выражением. — Серьёзно? Вашей подруге понравился Билли?

— У неё... специфический вкус, — не дрогнула я. — А что? С ним что-то не так?

— Да как сказать. — Первый поскрёб затылок. — Мужик он нормальный, служил честно, дело знал. Просто... тяжёлый. После всего, что с ним было, — удивляться нечему, но народ его сторонился. Он по ночам кричал так, что казарма подсакивала. Кошмары. Ну и язык у него — бритва, это тоже дружбе не способствует.

— А где его найти? Подруга же изведётся.

— А вот это вопрос. — Дежурные снова переглянулись, и

второй понизил голос, хотя на километр вокруг были только мы и жара. — У него контракт кончился. В ту субботу собрал баул — и пешком на шоссе, представляете? Машину ему предлагали до города — отказался. Сказал: пройдуся. Это последнее, что от него слышали.

— В смысле — последнее?

— В прямом. Ни в части не появлялся, ни бумаги за расчётом не забрал, ни на звонки не отвечает. — Он пожал плечами, но глаза у него были уже не скучающие. — Билли с той ночи никто не видел.

— А у вас-то самой парень есть? — поинтересовался первый, решив, вероятно, познакомиться.

— Есть, — честно сказала я. — Полицейский. Ревнивый. С собакой. — Дежурные синхронно сделали шаг назад, и я в который раз отметила: лучший телохранитель — это репутация.

Сью ждала меня у машины в окружении пяти свежих окурков, разложенных веером, — её фирменная диаграмма тревоги.

— Ну?!

— Едем домой, по дороге расскажу. И подбери за собой, иначе получишь штраф за мусор и попадёшь в полицейскую сводку.

Она подобрала. Молча. Вот что значит человек на нервах: даже не огрызнулась.

ГЛАВА 8

ДОМ ИСЧЕЗНУВШИХ

Сделку мы закрыли за семь дней — наличные творят чудеса, а мотивированный продавец творит их вдвое быстрее. В день закрытия я отправила банковский перевод: триста двадцать тысяч за дом и ещё почти восемь сверху — страховка титула, пошлины и прочие расходы. Скрыга трижды проверила каждую цифру, прежде чем нажать кнопку «Отправить». Из трёхсот пятидесяти тысяч, которые я копила четырнадцать лет, осталось двадцать две с мелочью. Никогда ещё я не была так бедна и так богата одновременно.

Первый вход в собственный дом — отдельный жанр, и я его чуть не испортила. Планировалась торжественность: переступить порог медленно, сказать что-нибудь историческое, может быть, всплакнуть — имею право, заплачено. Вместо этого ключ заел. Я дёргала, дом сопротивлялся, Сью комментировала из-за плеча: «Он ещё не в курсе, что ты теперь главная». В итоге дверь открылась от того, что я навалилась плечом, и в собственную прихожую я ввалилась, как грабитель-дебютант.

Постояла. Послушала тишину — она была другая, нежели несколько дней назад: не настороженная, а выжидающая.

— Привет, — сказала я. — Это снова я, но теперь по бумагам твоя хозяйка.

Дом скрипнул чем-то наверху. Я решила считать это рукопожатием.

Мы ходили по дому минут двадцать. Заглянули в каждую комнату, постояли на веранде, снова вернулись в гостиную и почти не разговаривали. В тот день мне почему-то казалось неправильным что-либо делать. Дом ждал много лет и ещё одну ночь он вполне мог подождать.

В тот же вечер на веранде Барклаев я объявила о втором своём решении. Первое стоило мне почти всех моих накоплений, так что второе на этом фоне выглядело безобидно.

— Я завожу ютуб-канал.

— Так, — сказала Сю тоном медсестры, у которой пациент попросил вторую порцию наркоза.

— Буду показывать ремонт. Мне всё равно его делать нужно, контент валяется под ногами бесплатно, а я... ну...

— Скряга, — с готовностью подсказала подруга.

— Экономный продюсер собственной жизни. И потом, мне же надо что-то отвечать Саманте на вопрос «чем ты занята». «Ремонтирую дом» звучит как капитуляция. «Снимаю проект о реставрации» звучит как карьера.

— По-моему, это очень смело, — улыбнулась миссис Барклай. — Не каждый решится купить такой дом, да ещё и привести его в порядок своими руками.

— Если бы мы не уезжали в отпуск, обязательно помогли бы, — сказал мистер Барклай. — Но вернёмся — и можешь на нас рассчитывать.

— А про то, что у твоего «проекта» внутри пропала целая семья, ты рассказывать будешь?

Я открыла рот, чтобы сказать «нет, зачем», — и не сказала. Потому что именно в эту секунду канал, ещё даже не созданный, обрёл форму. Не «девушка красит стены». Таких — тысячи. А вот «девушка купила дом, из которого одиннадцать лет назад бесследно исчезли четыре человека, и теперь возвращает его к жизни» — такой канал на свете будет один.

— Сью. Ты гений.

— Я знаю. А что я сказала?

Название родилось сразу: «Дом исчезнувших». Сью считала, что это перебор.

— Люди будут думать, что у тебя хоррор.

Я считала, что это честность.

— У меня и есть хоррор, только с ремонтом.

Победила я — на правах человека, у которого теперь была ипотека на нервную систему.

Снимали на следующий день, до того, как я успела передвинуть в доме хоть что-то. В этом был замысел: показать всё как есть. Телефон, штатив, стабилизатор, Сью в роли оператора на сложных кадрах и в роли звукового оформления на всех остальных — её «ой, мамочки» за кадром мы потом решили не вырезать, и правильно сделали: зрители их полюбили.

Я шла по комнатам и рассказывала. Про семью, которая собралась в круиз и не уплыла. Про чемоданы в прихожей и машины в гараже. Про посуду у раковины — четыре тарелки, четыре чашки. Про собак, которые выли целую неделю. Я не

нагнетала — наоборот. У камина я сказала то, что думала: «У этого дома хорошая энергетика. Я такие вещи чувствую. С ним просто случилось что-то плохое, а это разные вещи — быть плохим и быть тем, с кем случилось плохое».

Монтировала я ночью, на кухне Барклаев, под недовольное гудение древнего ноутбука. Обложку слепила в редакторе: дом в чёрно-белом, контраст до упора, и — каюсь — пара полупрозрачных силуэтов в окнах. Дешёвый приём. Стыдный. Работает безотказно.

В половине второго ночи я занесла палец над кнопкой «опубликовать».

— Сто просмотров, — сказала я вслух пустой кухне. — Если будет сто просмотров, я буду считать, что не зря старалась.

И нажала. Дальше случилось то, о чём не рассказывают в роликах «как я стал блогером». Ничего не случилось. Я сидела перед экраном и обновляла страницу. Четыре просмотра. Семь. Семь. Семь — и я знала троих лично, потому что эти трое были Сью с разных устройств.

К трём ночи стало одиннадцать, и появился первый комментарий. «Звук тихий». Всё. Вот моя рецензия от мироздания: звук тихий. Я легла спать знаменитостью местного значения — в пределах одной кухни — и в качестве колыбельной составила список того, что в моей жизни происходило быстро. Список вышел короткий: ничего.

Проснулась я в девятом часу от того, что телефон вёл се-

бя странно. Он не звонил — он вибрировал. Непрерывно, мелко, как насекомое, бьющееся в конвульсиях. Я взяла его, посмотрела на экран и села в кровати.

Сто двадцать семь уведомлений только от ютуба. Я открыла приложение, уверенная, что это сбой, что цифры глючат, что сейчас всё станет на места.

Миллион двести тысяч просмотров. Шестнадцать тысяч комментариев. Сорок одна тысяча подписчиков — и счётчик крутился на глазах, как счётчик на заправке: плюс двадцать, плюс тридцать пять, плюс шестьдесят.

— СЬЮ!!!

Она влетела в комнату с зубной щёткой во рту, готовая отбиваться от грабителей, увидела экран — и щётка повисла у неё на губе, как сигара у гангстера.

— Эфо фто... — Она вынула щётку. — Это что, настоящие цифры?

— Я не знаю!

— Как не знаешь, это твой канал!

— Ему несколько часов! У него вчера было ноль подписчиков! Сто просмотров было моей наглой мечтой!

Мы сидели на кровати, две взрослые женщины, и смотрели, как растёт число, словно это запуск ракеты. В каком-то смысле это и был запуск ракеты — просто тогда мы ещё не знали, что к ней привязаны.

Первой опомнилась Сью.

— Так. Не тормози. Срочно открывай YouTube Studio.

— Зачем?

Она посмотрела на меня так, будто всерьёз сомневалась, что мы знакомы четырнадцать лет.

— Затем, что миллион просмотров сам себя не монетизирует. Проверь, можешь ли ты уже подать заявку в партнёрскую программу.

— Думаешь, уже можно?

— Думаю, пока мы разговариваем, у тебя ещё тысяча подписчиков прибежала. Давай, шевелись.

Я послушно открыла YouTube Studio.

— Погоди... Тут написано, что я уже могу подать заявку.

— Вот и подавай.

— А если её месяц будут рассматривать?

— Тогда и будешь ждать. Но заявку отправляют сейчас, а не когда у тебя будет два миллиона просмотров.

Я нажала кнопку. YouTube предложил принять условия партнёрской программы, проверить привязку AdSense и отправить канал на проверку. Поставив все галочки, какие от меня требовались, я отправила заявку.

Дальше утро покатило под горку, набирая скорость.

Позвонила Саманта — без «здравствуй», сразу:

— Эм, почему я узнаю от ассистентки, что моя клиентка — вирусный феномен? Неважно. Ничего не подписывай, ничего никому не обещай. Я уже работаю.

Позвонил Адам — поинтересоваться, не отразится ли моя «слава» — это слово он произнёс так, будто держал его щип-

цами, — на квартальном отчёте.

Написал Энджел:

«Только что твоё лицо показали в утренних новостях Джексонвилла. Мама требует автограф. Я трбеую объяснений».

Слово «трбеую» означало, что печатал он за рулём, и я решила не уточнять.

Пока я разговаривала по телефону, Сью наконец досмотрела ролик от начала до конца молча — для Сью это физиологический подвиг. Потом подняла на меня глаза и сказала:

— Я как будто фильм посмотрела. Мать... Да ты знаменитость.

И полезла обниматься прямо через недоеденный завтрак. Это объятие, если честно, стоило всех миллионов просмотров вместе взятых.

— Ну что? — спросила Сью, допивая кофе. — Интернет сегодня уже закончил тебя любить?

— Судя по телефону, нет. Но дом ждать не будет.

— Это точно. — Она посмотрела на часы. — Мне сегодня к четырём, так что если хочешь могу помочь с расчисткой дома до работы.

— Хочу. Только сначала заедем в Хоум Депо.

— Зачем?

— За всем. Перчатки, респиратор, мешки, химия... Я видела мастер-спальню. Одним энтузиазмом её не победить.

— Вот это уже разговор взрослого человека, — одобрила

Сью. — А то я боялась, что ты полезешь туда с влажными салфетками и верой в человечество.

— Кстати, а что так тихо? — спросила я, только заметив, что за всё утро ни разу не увидела родителей Сью. — Где все?

— Уехали.

— Куда?

— В круиз. На три недели.

Я моргнула.

— Серьёзно?

— Более чем. Папа два года копил на Карибы. Перед отъездом они десять раз повторили: «Не звоните нам. Спутниковая связь стоит дороже самолёта». Так что, если дом загорится, будем тушить сами.

Она кивнула на холодильник.

— Мать оставила мне инструкцию толщиной с Библию. Что полить, кого не выпускать, где лежат ключи от мастерской...

Я хмыкнула.

— И что теперь?

Сью вышла на веранду, на ходу вытаскивая из кармана сигареты.

— Три недели, — сказала она, закуривая. — Дом пустой. Родители в Карибском море пьют коктейли на палубе.

Она выпустила дым и криво улыбнулась.

— Знаешь, что самое смешное? Они уплывают в круиз

из того же порта, что и пропавшее семейство. Я им этого не сказала.

ГЛАВА 9

РАСЧИСТКА

Утро среды продолжилось в Хоум Депо — храме, в котором скряга познаёт смирение. Респираторы, перчатки, чёрные мешки для строительного мусора — те, что переживут цивилизацию. Сюю катила тележку и складывала туда всё, на чём было написано «профессиональный»: профессиональный скотч, профессиональные салфетки, профессиональный, прости господи, мел.

— Зачем нам мел?

— Не знаю. Но он профессиональный.

Спорить с этой логикой невозможно, я проверяла четырнадцать лет.

Перед домом стоял мусорный контейнер размером с мою съёмную квартиру. К контейнеру скотчем был приклеен бант из строительной ленты и записка: «С новосельем. Второй привезут в субботу. Э.»

— Он подарил тебе мусорный бак, — с чувством сказала Сюю. — Держи такого мужчину обеими руками. Мой максимум был букет с заправки.

— Это не бак, это жест. Он оплатил вывоз всего прошлого, настоящего и собачьего.

— Я и говорю: жест. На свадьбу подарит экскаватор.

За ночь на канал подписалось столько людей, что мне до сих пор казалось: стоит обновить страницу — и YouTube извинится за ошибку. Но цифры не исчезали, комментарии продолжали сыпаться, и где-то среди кнопок обнаружилась возможность начать прямую трансляцию.

Я посмотрела на дом, на контейнер и на всё то богатство, которое мы только что выгрузили из багажника. Судя по количеству химии, перчаток и респираторов, со стороны можно было решить, что мы приехали не делать ремонт, а устранять последствия экологической катастрофы. Раз уж столько людей хотели это увидеть — пусть смотрят в прямом эфире.

Дом встретил нас той же тишиной, что и вчера. Только теперь ключ повернулся в замке почти без сопротивления, словно дом окончательно смирился с тем, что я никуда не денусь. Мы занесли покупки внутрь. Сю оглядела гостиную и вздохнула, видимо пришло осознание на что она подписалась.

Оба телефона поставила на штативы, один для эфира, второй записи видео. Улыбнулась в объективы и начала прямую трансляцию и запись одновременно.

— Ну что, продолжаем. Второй день моего знакомства с домом исчезнувших. Сегодня никакой мистики. Только мусор, пыль и попытка понять, сколько хлама может накопить человеческая жизнь.

Свой первый стрим я включила в одиннадцать утра и не выключала до заката. Формат родился сам: телефон на шта-

тиве кочует за нами по дому, я работаю и комментирую, Сью работает и вносит, как она это называет, «человеческий фактор». За один этот день человеческий фактор уронил себе на ногу карниз, обозвал шкаф нехорошим словом, которое пришлось запикивать смехом, и собрал в чате собственный фан-клуб с лозунгом «Сью, брось всё».

Первой мы выносили мебель из зловонной спальни — той самой. Гарнитур, погрызенный и пропитанный собачьим горем, отправился в контейнер целиком.

— Ты держишь свой край? — пыхтела Сью на лестнице крыльца, пятясь с изножьем кровати.

— Я держу свой край.

— А я держу свой край и свою грыжу. Чат, запомните меня весёлой.

Чат обожал её и предлагал ей собственное шоу, руку, сердце и протеиновые коктейли. Сью цвела и поднимала тяжести с лицом олимпийской чемпионки.

Отдельной серией стал диван. В дверь он не пролезал. Когда-то он в неё въехал — значит, по законам физики, обязан был и выехать, но у дивана было своё мнение.

— Наклоняй на себя! — командовала Сью.

— Я наклоняю!

— На себя наклоняй!

— Я и наклоняю на себя!

— А чего он тогда не идёт?!

— Потому что ты тянешь на себя!

— Я не тяну, я ПРИНИМАЮ!

Чат рыдал. Кто-то вёл текстовую трансляцию: «Диван ведёт 2:0». Кто-то прислал схему разворота с векторами и подписью «инженер, не благодарите» — и, что самое унижительное, схема сработала. На прощание диван снял с косяка щепку, на память, а Сью сняла локтем мерку с обивки.

— Запиши в смету, — пропыхтела она над контейнером. — «Дверной проём, ремонт». И «локоть, моральный ущерб».

— В смете уже есть строка про твой моральный ущерб.

— Расширь её. Это будет колонка. Ладно. Мне пора в кафе, а тебе оттирать мастер спальню. После смены заеду посмотреть, кто кого победил — ты дом или дом тебя.

— Ставь на меня.

— Я поставлю пять долларов. Остальные оставлю на лечение.

Она уехала, а я осталась одна.

Я работала до позднего вечера. Таскала мешки, оттирала пол, снимала всё, что казалось важным, и периодически забывала, что камера вообще включена. Несколько раз ловила себя на том, что разговариваю с домом вслух.

— Нет, дружок, — сообщила я, вытаскивая очередную сломанную полку. — Мы с тобой так не договаривались.

Дом в ответ промолчал. К счастью.

Когда после заката заехала Сью, я сидела на ступеньках, покрытая пылью с головы до ног, и всерьёз размышляла, су-

ществуют ли вообще такие мышцы, которые не начинают болеть, если весь день таскал чужую жизнь по частям.

— Ну? — спросила она, выходя из машины.

— Кажется, мы оба ещё молодцом.

Она заглянула в контейнер, присвистнула и покачала головой.

— Это всё пока меня не было? Я думала ты на спальне остановишься...

— Это только начало.

Дома я первым делом отправилась в душ, потом мы молча поужинали — разговаривать сил почти не осталось. Чуть позже заглянул Энджел с пакетом пончиков и совершенно серьёзным вопросом, не передумал ли дом меня выселять. Получив ответ, что пока счёт ничейный, пожелал мне спокойной ночи.

Уходя, он свистнул — и Флинт, вместо того чтобы пойти за ним, улёгся у моего крыльца мордой к калитке.

— Он остаётся и завтра будет тебя сопровождать, — сказал Энджел. — Для компании.

— У меня есть компания. У меня двести тысяч человек в телефоне.

— Они не слышат, как скрипит твоя калитка. — Он потрепал пса по холке и пошёл к своей машине. — Сыра больше двух кусков не давай, он манипулятор.

Спокойной ночь не получилась. Я открыла ноутбук и принялась монтировать второй ролик из видео со второго теле-

фона. К двум часам ночи видео наконец было готово. Я нажала «Опубликовать», дождалась, пока полоска загрузки доползёт до конца, и машинально открыла статистику.

Первый ролик уже перевалил за два миллиона просмотров. Комментарии сыпались один за другим. Я протянула руку к мышке, собираясь открыть их, но остановилась.

— Завтра, — сказала я пустой кухне. — Интернет от меня никуда не денется. А вот если я сейчас не лягу спать, завтра придётся ремонтировать не дом, а меня.

Я захлопнула ноутбук и, кажется, уснула раньше, чем голова коснулась подушки.

Проснулась я от знакомой вибрации телефона и первым делом подумала, что интернет опять решил поиграть со мной. Телефон был усыпан уведомлениями. Машинально открыв YouTube Studio, я уставилась на экран.

5 243 816 просмотров.

Я моргнула. Цифры не исчезли. Обновила страницу.

5 244 091.

И только тогда заметила письмо от YouTube, висевшее самым верхним.

«Поздравляем! Ваш канал принят в YouTube Partner Program.»

— СБЮ!!! — заорала я так, что где-то за окном вспорхнули птицы.

Из комнаты выглянула заспанная Сью с таким лицом, будто прикидывала, вызывать пожарных или сразу священника.

— Кто умер?

— Никто!

— Тогда чего орёшь?!

Я молча сунула ей телефон. Она сначала увидела цифры.

— Пять миллионов?.. — тихо переспросила она.

Потом открыла письмо от YouTube.

— А-а-а... — протянула она. — Ну всё, мать. Теперь ты официально работаешь блогером.

— Не сглазь.

— Поздно. После пяти миллионов уже поздно.

Мы рассмеялись.

Кофе в то утро оказался вкуснее обычного. Наверное, потому что впервые в жизни интернет не только отнимал у меня время, но и обещал когда-нибудь начать его оплачивать.

Уже потом знающие люди объяснят мне, что заявки в партнёрскую программу той осенью рассматривали неделями и что мой канал, о котором говорили в утренних новостях, просто проверили вне всякой очереди. Джекпот не выбирает достойных — он выбирает громких.

— Ну что, — сказала Сью, устраиваясь напротив с кружкой. — Теперь можешь наконец посмотреть, что тебе там понаписали. Вчера ты даже комментарии не открыла.

— Боюсь.

— После такого количества просмотров уже поздно бояться.

Логика была железная. Я открыла YouTube. коммента-

риев было уже больше ста двадцати тысяч, и это был отдельный жанр. Теории — от разумных («проверьте финансы мужа») до художественных («дом стоит на разломе, семью забрал разлом», — спасибо, ДжинаЛав1969). Сочувствие. Жуть. Триста человек написали «не заходи в подвал», и мне не хватило духу ответить, что подвала нет. Какой-то умник вычислил по кадрам модель швейной машинки и написал про неё абзац — люди прекрасны.

Отдельным жанром шли теории-открытки: «Они в Мексике, я их видела в Тулуме» — с фотографией, на которой четыре размытые спины, и одна, по уверению автора, «точно Катрин, посмотрите на осанку». Эта теория всплывала трижды, всегда с новых аккаунтов и всегда с деталями ровно той степени размытости, которую невозможно проверить. Тогда я не обратила внимания. Удобные версии не растут сами. Их сажают — и поливают с большой аккуратностью.

Но верхним — тысяча четыреста лайков, приклеен народной любовью — висел другой комментарий. Вежливый, тёплый, соседский, на фоне общего балагана он выглядел как джентльмен на карнавале.

«GoodNeighbor77: Поздравляю с покупкой! Прекрасный дом. Только будьте осторожнее с ремонтом: в старых домах всё держится на честном слове».

— Смотри, какой милый, — я повернула экран к Сью. — Вероятно, он единственный человек, который беспокоится о ремонте, а не о призраках.

Сью прочитала. Пожевала губу.

— Станный он какой-то.

— Чем это?

— Не знаю. Все орут, а он... заботится. — Она передёрнула плечами. — Не люблю, когда незнакомые люди проявляют показную заботу.

— Ты не любишь, когда тебе не достаётся внимание.

— И это тоже.

Я засмеялась, нажала под комментарием «ответить» и напечатала, высунув от старательности язык:

«Спасибо, добрый сосед! Обещаю быть осторожной. Заходите ещё — дальше будет интереснее!»

Отправить.

ГЛАВА 10

ПРАВИЛА ИГРЫ

За неделю я узнала о славе три вещи.

Первая: слава не спрашивает, готова ли ты. В среду утром у меня было сорок тысяч подписчиков, в воскресенье — четыреста пятьдесят. Кассирша в супермаркете посмотрела на меня, потом на мой протеиновый батончик, потом снова на меня и спросила шёпотом: «Это вы — девушка из того дома?» Я подтвердила. Она пробила батончик со скидкой для сотрудников и попросила «держаться там». Я пообещала.

К той же неделе относится урок, который я назвала «законом заправки». Вирусное видео — это не слава. Это тол-

па, сбежавшаяся на сирену. Второй ролик собрал пятьсот сорок тысяч просмотров, и после пяти миллионов это ощущалось как провал: я полночи листала аналитику, как листья плохие анализы. Потом дошло. Пять миллионов пришли посмотреть на дом с привидениями. Остались те, кому интересны я и мой ремонт. Пятьсот сорок тысяч жителей против миллионов зевак — это не падение. Это переезд из аттракциона в город.

Вторая: слава немедленно пытается тебе что-нибудь продать. В личные сообщения канала постучались: бренд матрасов («ваша аудитория ценит спокойный сон»), производитель светящихся ошейников («у вас же была собака в кадре?» — это был Флинт, и он не моя собака, но ошейник ему понравился), две компании по установке сигнализаций — эти, надо признать, чуяли рынок — и экстрасенс Долорес, предлагавшая «очистить жилище» за триста долларов и процент от будущих доходов. Саманта взяла переговоры на себя с хищной радостью человека, чьи десять процентов наконец-то начали что-то значить.

Третья: слава не отменяет план Б. Адам прислал отчёты точно по расписанию, сопроводив их письмом: «Поздравляю с известностью. Дедлайн в пятницу». В этом был весь Адам — человек-якорь. Что бы ни происходило в моей жизни, где-то всегда существовал четверг.

Четвёртую вещь — внеплановую — мне объяснил чат: у славы есть любимчики, и это не ты. Стоило Флинту дважды

попасть в кадр, как зрители потребовали «Флинт-кам» — отдельную камеру на пса. Я попыталась объяснить, что Флинт не мой, что он сосед и вообще ветеран. Чат ответил: «ВЕТЕРАНУ — КАМЕРУ». Теперь у него фан-арт, собственный смайлик и негласная должность индикатора: если Флинт спит — всё спокойно. Если Флинт поднял голову, чат пишет одно слово: «УШИ». Сотни тысяч человек научились читать мою не-мою собаку быстрее, чем я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.